

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков

И.Т. Фролов о роли гуманистических ценностей в научном познании

Развёртывание биоэтических исследований и становление практики гуманитарной экспертизы потребовало пересмотра традиционных представлений о соотношении когнитивных и ценностных аспектов процесса познания. Когда объектом познания и практического воздействия становится человек, человеческая природа, невозможно абстрагироваться от аксиологического измерения непосредственно в самом процессе познания.

Сегодня проблема включения этической компоненты в сам процесс познания остаётся предметом острых дискуссий. Позиция, отстаивающая этическую нейтральность научного познания, как известно, хорошо обоснована. Каков современный контекст дискуссий о соотношении научного познания и ценностей?

Е.А.Мамчур в докладе на V Фроловских чтениях, посвящённых философским, социальным и этическим проблемам естествознания в XXI в. (2005 г.), связывает причину наличия различных подходов к проблеме с тем, что участники дискуссий имеют в виду разные аспекты научной деятельности: не следует смешивать вопросы этической релевантности (или иррелевантности), познавательной деятельности ученого, с одной стороны, и этической нагруженности деятельности ученого как человека, как члена человеческого социума, с другой¹. Сам по себе процесс научного познания и когнитивная деятельность ученого (особенно если речь идет при этом о фундаментальном естествознании) остаются этически нейтральными, считает Е.А.Мамчур, но учёный не может уклониться от ответственности за то, как полученное им знание будет применяться в обществе. Последнее, однако, касается учёного как члена социу-

ма и не имеет отношения к его исследовательской, когнитивной деятельности. Единственное назначение, которое имеет в культуре фундаментальная наука, состоит в том, что она добывает объективно истинное знание о мире. Других целей у науки нет. На теоретической стадии исследование должно быть этически нейтральным. Учёный устанавливает научный факт, а как им распорядится общество – это другой вопрос, который не имеет отношения к исследовательской деятельности ученого².

Позиция Е.А.Мамчур основывается на приверженности идущему от Канта подразделению на теоретический и практический разум, в данном случае трансформированному в идею о том, что познавательная и социальная деятельность учёного – это два различных вида деятельности. В этой связи можно заметить, что указанное противопоставление имеет в своей основе определённую философскую позицию, которая является далеко не безусловной. Само её появление в истории философии было связано с трудностями, которые обнаружились при реализации когнитивной программы новоевропейской науки и философии. Кроме того, если проблематизировать понятие факта, учесть роль концептуальной нагруженности в процессе установления фактов, столь строгое разграничение между видами деятельности трудно будет провести с достаточной последовательностью.

Очень чётко обозначил свою позицию А.П.Огурцов³. Он констатирует появление в современной философии, начиная с 70-х гг. прошлого века, неклассических регулятивов познания, предполагающих поиск единения гносеологии и аксиологии, этики и философии науки, причем и истина, и благо оказываются разновидностями ценностей человеческой культуры. Последнее обстоятельство расценивается А.П.Огурцовым как ключевое, поскольку в конце XIX в. и особенно в XX в. культура стала мыслиться как фундаментальная система отсчета для всех форм философского познания, а в философии науки во второй половине XX в. всё большее влияние приобретает социокультурная составляющая. В связи с этим возникает стремление трактовать истину как ценность и распространить аксиологический подход на иные области, в том числе и область познания истины. Как и Е.А.Мамчур, А.П.Огурцов считает, что в результате экстраполяции аксиологического подхода на сферу познания происходит

смешение двух различных видов дискурсов, рассмотрение истины лишь в рамках социокультурного контекста, подмена её иными регулятивами, праксеологическими по своей природе, отождествление регулятивов познания и оценки и в конечном итоге – релятивизация истины и способов её достижения.

Данная позиция, без сомнения, обоснована. Но противоречие, от которого она не может избавиться, состоит в том, что когнитивные ценности, регулирующие поиск истины, – это тоже ценности, само их формулирование стало результатом социокультурных сдвигов, породивших новоевропейскую цивилизацию, и непонятно, почему, возникнув, эти ценности должны стать полностью неподвластными социокультурным влияниям, которые вовсе не тождественны субъективизму и релятивизму.

Многие философы приходят сегодня к выводу о невозможности мыслить «чистую» науку, жёстко демаркировав её от ценностей. Х.Лэйси, специально исследовавший вопрос о соотношении ценностей и научного познания, показывает, что, хотя когнитивные ценности (беспристрастность и пр.) удостоверяют истинность результатов познания, сами по себе они ещё не задают направление научного исследования. Практика познания включает выбор познавательных стратегий, а на этот выбор оказывают влияние моральные и социальные ценности, а не только чисто когнитивные факторы. Мы принимаем теорию, соотнося её с когнитивными ценностями, но получена она в результате применения методологических стратегий, имеющих социальную обусловленность. Х.Лэйси делает вывод, что «ценности “пропитывают” и должны “пропитывать” формы научной практики, а также в значительной степени определяют выбор направления исследований и область возможностей, которые должны быть вскрыты и объяснены теориями»⁴. Социальные сдвиги приводят через ряд опосредований к утверждению новых когнитивных ценностей. Именно этот тезис Х.Лэйси о влиянии социокультурных ценностей на выбор научных стратегий и теорий вызывает возражения А.П.Огурцова. Он расценивает это как «упрощённое социологизирование»⁵.

Однако ещё более определённо вывод о влиянии ценностей на познание формулирует Э.Агацци. Он обращает внимание на то, что философия посредством ценностей формирует идеал человека, который направляет любое человеческое действие, в том

числе и познавательное. «Дело обстоит именно так, а не иначе, – постулирует Э.Агацци, – поскольку научная деятельность – род человеческой деятельности, и в этом своём статусе она не может не ориентироваться на ценности»⁶. Вопросы ценностных предпочтений «подлежат рациональному исследованию, хотя и выходят за рамки того, что может дать научное исследование»⁷. Выводы эти справедливы по крайней мере применительно к наукам о человеке. Успехи этих наук, по справедливой оценке Э.Агацци, ещё больше подчёркивают значение философии человека, ибо та или иная философская концепция человека всегда лежит в основании его изучения в науках. Соответственно этому особый статус наук о человеке связан с тем, что они должны принимать во внимание в ходе познания ценности, которые в свою очередь находят своё выражение в законах, правилах и нормах. Научным будет, согласно Э.Агацци, такое исследование человека, которое выявляет, «какие ценности данного сообщества или данного индивида направляют данные действия или являются источником правил и норм их осуществления»⁸. Этим современная гуманистическая философия отличается от позитивистских и сциентистских подходов, для которых всё, что не подлежит анализу с помощью инструментария науки, должно быть отнесено к сфере эмоций.

Путь, которым следует работать с ценностями, это, по Агацци, концептуализация в рефлексии комплексных фактов и ситуаций (свободы, ответственности, интенциональности и пр.), невыводимых непосредственно из опыта. С точки зрения классической гносеологии подобный способ мышления представляется «субъективным» и потому непригодным. Но научная объективность есть всего лишь интерсубъективность, да ещё зиждущаяся на целом ряде неявных допущений и предпосылок. Ведь научное знание в конечном счёте всегда зависит от познающего субъекта и тем самым подлежит обоснованию. Между тем как философские методы «имеют целью достижение уровня объективности более глубокой и более радикальной»⁹. Они применимы не только к исследованию человека, но и к познанию природы, хотя здесь их возможности ограничены только интерпретацией той реальности, которая создаётся средствами науки. Но в исследовании человека, подчёркивает Э.Агацци, они имеют особое значение, ибо оно не может вестись в соответствии с классическими идеалами элиминации субъекта.

В субъектности заключается специфика человека. Изучение человека, игнорирующее его субъектность, устраняет свой предмет и не может быть признано адекватным, подытоживает Э.Агацци.

Нам ближе вторая из рассматриваемых здесь позиций, утверждающая включенность ценностного аспекта в процесс познания. Гносеология Нового времени, разумеется, исключала саму постановку подобных вопросов. Наука становится подвластной этике, если понимается не как чисто познавательный акт, а как социальная человеческая деятельность. Теперь же на смену прежнему пониманию научного познания должно прийти, как справедливо считал И.Т.Фролов, новое понимание, в котором философские принципы, выступая предпосылками познания, одновременно выполняют функцию его методологических, мировоззренческих и этических регулятивов.

И.Т.Фролов неоднократно говорил о постепенном становлении нового типа науки, обеспечивающего синтез науки и гуманизма. «Есть основания полагать, – писал И.Т.Фролов, – что сейчас формируется новый тип науки, всё активнее обращающейся непосредственно к человеку, тесно соединяющейся с практикой, социально-этическими нормами, культурой как целым»¹⁰. Наиболее чётко позиция И.Т.Фролова в дискуссии о соотношении познания и ценностей изложена в написанной им совместно с Б.Г.Юдиным книге «Этика науки»¹¹.

Авторы исходили в своей работе из системно-исторического понимания науки, которое даёт возможность понять возникновение и пути решения этических проблем науки в контексте её социально-исторического развития и вместе с тем предостерегает от абсолютизации этих проблем. Истоки этических проблем науки связаны с усилением процессов отчуждения, вследствие чего наука превращается в социальную силу, с которой человек и общество не могут вполне справиться.

Возникает необходимость в переосмыслении роли науки, в частности, в преодолении абсолютизации её культурно-мировоззренческих возможностей науки, которая имела место в различных формах и в просветительстве XVIII в., и в позитивизме XIX в., и в технократизме XX в. Сциентистская претензия на то, чтобы считать науку единственной достойной формой культуры, а научную рациональность – наиболее адекватной формой миро-

воззрения, метафизически сочетается с убеждённостию в том, что, ограничиваясь лишь сферой средств, наука непричастна к целям совокупной деятельности общества и, следовательно, не может нести ответственность даже за принятые на основе научных рекомендаций социально-политические решения, повлекшие за собой печальные последствия.

Позиция И.Т.Фролова и Б.Г.Юдина существенно иная. Они подчеркивают, что вообще наука **«представляет собой деятельность, которую может осуществлять только человек»**¹². Тем самым наука напрямую связана с сущностью человека, заключающейся в предметно-преобразующей деятельности. Наука является стороной этой деятельности благодаря активной направленности на освоение объекта природы, превращение его в предмет деятельности. «Но это значит, что по своему происхождению знание не может быть внеположенным по отношению к человеку»¹³. Следовательно, оно должно «быть соразмерно человеку»¹⁴, что вовсе не помеха объективности знания. Вследствие того, что познавательная деятельность является целенаправленной и целосознанной, «она неизбежно приобретает и нравственно-этическое содержание»¹⁵. Сама истина в науке понимается как величайшая ценность. Следует учитывать и «относительность и конкретность самой истины, необходимость её практической верификации»¹⁶.

В обоснование данного вывода привлекается разработанный И.Т.Фроловым целевой подход: «Поскольку деятельность человека имеет целенаправленный характер, она обладает и аксиологическими свойствами. Благодаря ей осуществляется то, что ещё должно стать соответствующим цели. Оценка становящегося явления через цель (отношение целесообразности) свидетельствует о единстве ценностного и научного подхода, поскольку целевой подход является одним из эффективных методов научного познания»¹⁷. Выбор объекта познания, принятие учёным решения о том, для чего следует познавать то или иное, в действительности является выражением ценностной ориентации, органически встроеной в сам процесс научного исследования. Постановка задачи в научном познании становится результирующей целого ряда факторов, традиционно понимаемых как вненаучные, в том числе социально-исторической готовности общества к решению данной задачи и потребностей социальной практики.

Новый взгляд на вопросы этической ответственности учёных стал возможен в результате применения авторами прецедентного и вместе с тем комплексного подхода к проблеме. «Ведь этика науки как относительно самостоятельная социально-философская дисциплина может иметь перспективу только на основе исследования конкретных ситуаций, которые возникают во всём комплексе наук, рассмотрения их в тесной связи с развитием человеческой культуры в целом»¹⁸. В этом отношении, следовательно, проблема «наука и этика» оказывается тесно связанной с проблематикой науковедения, истории, социологии, методологии и теории науки, с изучением процессов и последствий функционирования социального института науки¹⁹. Наполнение научной деятельности гуманистическими идеалами снимает пагубную односторонность науки. Отсюда, согласно И.Т.Фролову, следует, что внутренняя этика науки, то есть её этическая авторегуляция, развивающаяся помимо социально-философского обоснования, в современных условиях недостаточна для того, чтобы справиться с новыми вызовами и угрозами.

И.Т.Фролов считал новой тенденцией современной науки её социализацию и гуманизацию. Процесс этот позволяет, по его мнению, снять дилемму науки и морали, их якобы «комплиментарности», дополнительности, и постулировать новый тип науки.

Понимание И.Т.Фроловым соотношения философских принципов и научной объективности находится в общем русле диалектической философской мысли. Несмотря на всю новизну, идея включения философских принципов «в тело» науки продолжает гегелевское содержательное понимание метода науки. И.Т.Фролов любил цитировать слова Гегеля о том, что метод – не внешняя форма, а душа и понятие содержания. Уже Гегелем был намечен отход от картезианского понимания метода познания как формального инструментария, обеспечивающего объективность вынесением человека «за скобки».

Деятельность человека на современной стадии научно-технического прогресса, вторгающаяся в интимные стороны природы человека (генная инженерия и др.), настоятельно требует привлечения гуманистических регулятивов в качестве моментов процесса познания. Того же требуют и те направления деятельности человека которые связаны с воздействием человека на преоб-

разуемую природу (экология). Выбирая пути научного познания сегодня, мы одновременно тем самым определяем перспективы человека, его будущего. Осуществляя этот выбор, мы неизбежно исходим из определённых представлений о том, что такое человек, каким он желает быть. Любое искажение «образа человека» может нанести в этих условиях непоправимый вред его будущему. Достаточно указать на такие отрасли современной науки как ядерная физика, биотехнология, генная инженерия, психохирургия, достижения которых способны оборачиваться, как говорил И.Т.Фролов, «и на горе, и на радость» человечеству.

Вследствие социального отчуждения современный человек часто оказывается неспособным вполне контролировать созданные им технику и технологию, и прогресс осуществляется односторонне и за счёт самого человека. В этих условиях гуманистическая компонента научно-технического прогресса уже не может быть отделена от самого процесса познания без нанесения ущерба науке и человечеству как целому.

Традиция внеаксиологического понимания научного познания, при котором принцип объективности противопоставляется ценностным аспектам истины, по-прежнему сохраняет свою силу; данную позицию разделяют многие учёные, её придерживается и целый ряд философов. И.Т.Фролов обращал внимание своих оппонентов – сторонников «чистой ценностно-нейтральной науки» на то, что их идеал является односторонним представлением, весьма тощей абстракцией, отвлекающей от многих компонентов функционирования современной науки, неотъемлемых от её сущности. Сама наука, отмечал И.Т.Фролов, является одной из важнейших ценностей культуры. Будучи сущностной силой человека, она призвана служить его благу, и «в этой своей функции она и определяется в ценностном смысле»²⁰. Зачастую именно сциентистский подход на деле оборачивается иррационализмом, поскольку не способен уловить социокультурный контекст собственных гносеологических установок, но от ценностных суждений не свободен и свободным быть не может. С другой стороны, «ценностная ориентация научного познания,.. если она мотивирована объективно, то есть и сама оказывается результатом научного познания, уже не выступает по отношению к нему как нечто чуждое, а потому внешнее, способное лишь исказить истину»²¹. Для И.Т.Фролова истин-

ный гуманизм закономерно выводится из науки, причём лишь в том случае, если последняя понимается не узко, как «чистый» поиск истины, а как социальный институт современного общества.

Если же в центре внимания науки оказывается человек, воздействие на такой объект заведомо не может не затрагивать социально-этическую сторону дела, а стало быть, тут по определению не может быть «чистого» познания. Комплексное понимание развития науки позволяет, полагал И.Т.Фролов, увидеть историчность и изменчивость целей научного познания, определяющую роль по отношению к которым играют социальные и даже политические факторы. Необходимо не отвлекаться от факта этого влияния, прячась за имманентную моральность чистых поисков истины, а напротив, сознательно контролировать его, осуществляя социально-этическое регулирование науки. Не располагая встроенными в сам процесс научной деятельности этико-гуманистическими регулятивами, наука может стать лёгкой добычей политиканов, использующих полученные научные результаты в узкокорыстных целях. Особенно дорого это может обойтись человечеству в «век биологии».

Практика, человеческая предметно-преобразующая деятельность требует объективности познания для верной ориентировки в действительности ради дальнейшего развёртывания человеческих сущностных сил. То есть, человеческая деятельность есть основание объективной значимости ценностей. Более того, «критерий объективной истинности распространяется в известном смысле и на ценностные суждения в науке, касающиеся не только логической структуры знания и аксиологического базиса его методологических норм, но и философской, идеологической направленности, понимания общих целей и соответствующих им средств научного познания»²². Такой подход раскрывает нам аксиологическую компоненту научной деятельности и в её методологическом, и в её нравственно-гуманистическом значении для научного познания.

В познании универсальные ценности работают как регулятивы, которые наполняются конкретно-историческим содержанием, отражающим настоящее и перспективное состояние предметно-преобразующей деятельности человечества на данном этапе его развития. Эти регулятивы предстают в качестве целей социального развития человечества, которые применительно к науке направляют поиск истины, а в преобразующей деятельности человека

обеспечивают ориентацию на реализацию его сущностных сил. Если такие регулятивы работают эффективно, человек не будет производить и использовать научное знание во вред самому себе. Но для того, чтобы развитие науки как сущностной силы человека шло не в ущерб человеку, а под контролем человека, человек сам должен быть в состоянии контролировать себя, отчуждение не должно быть доминирующей формой общественных отношений людей. Следовательно, «первоосновная, так сказать, принципиальная сущность науки как силы, служащей человеку, его благу, а следовательно, моральной и гуманной по природе своей, может либо адекватно проявляться в определённых условиях, либо извращаться в других, неблагоприятных для неё обстоятельствах»²³. Социально разделённое общество не в состоянии совладать с собственным научно-техническим развитием, не способно к целостному видению человека.

Этическая сторона регулятивов научной деятельности обусловлена, таким образом, социальной стороной, и регулятивы эти отражают состояние общества в целом, а не только научного сообщества. Поэтому для учёного вполне естественным является функционирование и в качестве прогрессивного общественного деятеля, стремящегося к гуманизации социальных условий применения результатов научного познания. Сам И.Т.Фролов как учёный и организатор науки может служить хорошим примером такого сочетания гуманистически ориентированных научной и общественной деятельности.

Понимая, насколько новые идеи о соотношении науки и ценностей расходятся с привычными представлениями, И.Т.Фролов прямо говорил о необходимости «постоянного **внесения** гуманистической проблематики в основания науки»²⁴. Формулируя задачу гуманизации и гуманитаризации науки, И.Т.Фролов обращал внимание, прежде всего, на узкого специалиста в науке. Он говорил о необходимости формирования, воспитания в среде научного сообщества мировоззренческой стойкости, позволяющей противостоять самодовольству и самодостаточности узкого, а потому «варварского» научно-технического ума. «Гуманизация и гуманитаризация науки – это и её внутренняя потребность, поскольку у неё нет другого пути для решения её собственных задач. Это и насущная общественная потребность, поскольку дальнейшее разви-

тие науки в том направлении, в котором она ещё вчера двигалась, может привести человечество на грань катастрофы. То есть «наука как часть культуры отражает общий уровень её развития в данную историческую эпоху, уровень зрелости общества и человеческой цивилизации в целом»²⁵.

Негуманное познание такого объекта, как человек, неадекватно, исказит истину. Поэтому истина о целостном человеке становится доступной только, как выражался И.Т.Фролов, «доброму разуму». Новый синтез науки и гуманизма призван преодолеть сформировавшийся «человеческий разрыв» современной технологической цивилизации. Он предполагает недопустимость рассмотрения любых научно-технических проектов в изоляции от социальных условий их осуществления. Так И.Т.Фроловым были заложены философские основания развернувшейся в наши дни практики гуманитарной экспертизы.

Примечания

- ¹ Мамчур Е.А. Наука и этика // Этика науки. М., 2007. С. 75–84.
- ² См. там же.
- ³ См.: Огурцов А.П. Благо и истина: линии расхождения и схождения // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М., 1998.
- ⁴ Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008. С. 331.
- ⁵ Огурцов А.П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008. С. 28.
- ⁶ Агацци Э. Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 72.
- ⁷ Там же. С. 77.
- ⁸ Там же. С. 73.
- ⁹ Там же. С. 78.
- ¹⁰ Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М., 1989. С. 132.
- ¹¹ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. М., 1986 (2-е изд. – 2009).
- ¹² Там же. С. 60. Выделено авторами. – Г.Б., С.К.
- ¹³ Там же. С. 61.
- ¹⁴ Там же. С. 60.
- ¹⁵ Там же. С. 64.
- ¹⁶ Фролов И.Т. Выступление на VIII Всесоюзных чтениях молодых философов (Москва, 27 мая 1988 г.) // Информационные материалы Философского общества СССР. 1988. № 5. С. 34.
- ¹⁷ Там же. С. 68.
- ¹⁸ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. М., 1986. С. 397.

-
- ¹⁹ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. М., 1986. С. 159, 357.
- ²⁰ Фролов И.Т. Современная наука и гуманизм // Вопр. философии. 1973. № 3. С. 13.
- ²¹ Фролов И.Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // Дialeктика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР / Под ред. И.Т.Фролова. М., 1983. С. 149.
- ²² Там же. С. 150.
- ²³ Там же. С. 157.
- ²⁴ Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М., 1989. С. 138.
- ²⁵ Фролов И.Т. Наука и гуманности и гуманизм науки // Знание – сила. 1982. № 2. С. 28, 29.